

А. С. Зуев

МОТИВАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ И ТАКТИКА ДРУЖИНЫ ЕРМАКА В ОТНОШЕНИИ СИБИРСКИХ ИНОРОДЦЕВ

Походу Ермака посвящен не один десяток исследований. Все они акцентируют внимание преимущественно на изучении его фактической стороны, или, иначе, внешней канвы событий, предлагая разные версии причин и хронологии похода, численности и маршрутов похода казачьей дружины, этнической и социальной принадлежности самого Ермака. Постановка и решение этих проблем имеют, безусловно, важное значение для понимания обстоятельств «Сибирского взятия». Но есть один аспект этого процесса, который еще не был предметом специального изучения, а именно — мотивация и тактика действий Ермака и казаков в отношении сибирских инородцев — татар, хантов и манси.

Вольные ермаковы казаки отправились в сибирский поход на свой страх и риск. Ничего не известно о каких-либо наказах, полученных ими от Строгановых или от царя до похода или во время их пребывания в Сибири. Следовательно, их мотивационно-деятельностная схема¹ не определялась, как у последующих сибирских землепроходцев — служилых людей, правительственными предписаниями. Какими же факторами она обуславливалась? Ответить на этот вопрос мы и предполагаем в статье, отдавая, разумеется, себе отчет в том, что весьма небольшой объем дошедшей до нас информации о походе Ермака значительно ограничивает возможности выявления, анализа и интерпретации интересующих нас причин и элементов казачьего поведения в «чужом» этнополитическом пространстве.

Судить о мотивации и тактике действий Ермака, его атаманов и казаков в отношении

сибирских инородцев мы можем на основе сибирских летописей. Их авторы при описании «взятия Сибири» опирались на устные «сказы» — свидетельства казаков-ермаковцев, которые были письменно зафиксированы в конце XVI — начале XVII в., и отчасти — на предания татар.² Летописные данные, однако, скудны, противоречивы и, кроме того, обросли легендами, поэтому в них трудно отделить реальность от вымысла. Как отмечал Р. Г. Скрынников, «перед нами не исторический отчет, а литературное описание, суммирующее разного рода сведения и предания о походах казаков в пределах Сибири».³ Очень многое, связанное с походом Ермака, остается неизвестным. Тем не менее, из дошедших до нас летописных известий вполне отчетливо вырисовываются основные тактические приемы казаков.

Все летописи, расходясь в конкретных деталях, однозначно свидетельствуют о том, что в отношениях с местным населением казаки делали ставку на применение силы. На это их ориентировала казачья психология и предшествующий опыт общения с кочевыми народами. Основная или, по крайней мере, большая часть дружины Ермака была представлена вольными казаками с южных и юго-восточных окраин Руси, привыкшими жить в окружении «бусурман» — крымских татар и нагайцев — и враждовать с ними. Казачий менталитет был пропитан милитаризмом, культом силы, удали и храбрости. Современный исследователь истории донского казачества XVII в. О. Ю. Куц отмечает, что поведение казаков в степи имело «традиционно агрессивный, наступательный характер», «именно агрессивность давала казакам

¹ О понятии «мотивационно-деятельностная схема» см.: Голонёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 14–18.

Зуев Андрей Сергеевич — д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, с.н.с. отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: zuev@lab.nsu.ru

* Статья подготовлена по проекту 28.4.7 в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

² См.: Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 93, 95, 99, 102, 108, 111, 123–128, 134; Она же. Сибирское летописание в общерусском литературном контексте конца XVI — середины XVIII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 11, 13, 15; Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 181, 226, 227, 236, 239; Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Солодкин Я. Г. Рассказы «ермаковых казаков» и начало сибирского летописания // Русские: Материалы VII Сиб. симпозиума. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004.

³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 234.

те силу и дерзость, которые им не могло дать их число». «Одной из черт казачьей психологии была также воинственность, постоянная готовность к бою, привычка и страсть к приобретению добычи, что являлось, впрочем, другой составляющей той же агрессивности», которая еще и сочеталась с системной жестокостью по отношению к побежденным.⁴ В свою очередь высокий уровень агрессивности был следствием не столько враждебного окружения, хотя и это играло роль, сколько того, что казаками, вне зависимости от социального и этнического происхождения, становились люди определенного психического склада, склонные к авантюризму и риску, живущие одним днем, т. е. в каждом из них от природы был активен «ген агрессии». Пользуясь терминологией Л. Н. Гумилева, казаков можно отнести к пассионариям в том смысле, что они были предприимчивы, активны, всегда готовы на риск и преодоление страха смерти ради выполнения поставленной задачи.⁵

Надо учитывать и дух времени, который не располагал современников к миролюбию и толерантности: только что закончилась длительная Ливонская война (в которой, по предположению ряда историков, участвовал Ермак и часть его дружины⁶), опричный режим превратил террор и нагнетание страха в главный метод общения власти с подданными, еще продолжалось покорение поволжских народов, чье сопротивление подавлялось с применением военной силы — жестко и безжалостно.

Говоря о силовых действиях ермаковых казаков в Сибири, следует иметь в виду, что сами татары и многие из их данников — «остяков» и «вогуличей» (хантов и манси) — были настроены весьма воинственно по отношению к русским. С 1573 по 1582 гг. отряды сибирского хана Кучума неоднократно предпринимали набеги на владения Строгановых, сжигая поселения и убивая их жителей. Так что казаки, отправляясь в 1582 г.⁷ за Урал, были настро-

ны на контакт с врагами. Их ожидания вполне оправдались: сибирцы — татары, ханты и манси⁸ — встретили их не миром, а войной.

Применение казаками силы в период их пребывания в Сибири было, однако, дифференцированным. Если сначала, до взятия столицы Сибирского ханства Кашлыка, казаки нападают, воюют и захватывают трофеи, то затем они уже не только применяют силу, но и стремятся договариваться с местными князьями и приводить их к шерти, или, выражаясь языком позднейших документов, сочетают в своих действиях «жесточь» и «ласку». Неизвестно, знал ли Ермак и его атаманы в точности конфигурацию потестарно-политических отношений в Западной Сибири, но, нанеся поражение Кучуму и заняв Кашлык, они столкнулись с проблемой выстраивания отношений с бывшими подданными Кучума, которые изъявили покорность и стали оказывать русским помощь. Летописи демонстрируют разные варианты взаимодействия казаков и местного населения. Тех, кто упорно сопротивлялся, казаки стремились разгромить. С теми, кто изъявлял покорность, а это были преимущественно «остяки» и «вогуличи», устанавливали или стремились установить мирные отношения. Первым в этом ряду стал хантыйский князец Бояр, затем последовали мансийские князцы Ишбердей и Суклем и другие «иноязычные» князцы. Шли казаки и на сотрудничество с представителями татарской элиты. От мурзы Сенбахта Тагина они получили сведения о местонахождении сына Кучума Маметкула, что позволило захватить последнего в плен. Откликнулись они и на просьбу кучумова «думного» человека — карачи-бека (Кадыр-Али-бека бен Хусума⁹) — о помощи в борьбе с «Казачьей ордой».

Однако, и это принципиально важно, из летописей следует, что инициаторами мирных контактов всегда выступали инородцы, казаки же — никогда. Думается, так оно и было, поскольку противоположный вариант означал бы кардинальное изменение статусных ролей:

⁴ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 383, 384, 386.

⁵ См. также: Лукичев П. Н., Скорик А. П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. ст. к V Всерос. (Междунар.) науч. конф. Новочеркасск, 1995. С. 44.

⁶ См.: Шляков Н. В. Ермак Тимофеевич летом 1581 года // ЖМНП. 1901.я 336. С. 40; Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 178.

⁷ Мы придерживаемся хронологии похода Ермака, данной Р. Г. Скрынниковым. На настоящий момент она представляется наиболее убедительной.

⁸ По версии С. У. Ремезова, в войске Кучума были также «човаши» и воины «Казачьи орды» (Ремезовская летопись: История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Тобольск, 2006. С. 151).

⁹ См.: Исхаков Д. М. Институт сибирских князей: генезис, клановые основы и место в социально-политической структуре Сибирского юрта // Эхо веков. 2008. № 2: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2008_2/05/01; Нестеров А. Г. Искерское княжество Тайбутидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 23.

предложив кому-либо из местных князцов мир и союз, казаки потеряли бы свой статус победителей и, соответственно, господствующее положение.

За три года после взятия Кашлыка казаки совершили походы по Тоболу, Оби, Иртышу, Тавде и Пелыму. Исследователи по-разному трактуют их причины и задачи (добыча пропитания, «зипунов» и «ясака», поиск отходных путей на Русь или каравана бухарских купцов). Но, помимо прочего, эти походы объективно являлись утверждением властного статуса. Летописи, варьируя нюансы в описании походов, сходны в употреблении лексики, фиксирующей применение силы: «повоева», «воюя», «ездили воевать», «взяша», «покаряя», «поплениша», «плениша и побиваша», «в крепости меча своего», «учиниша бой». В самих походах проглядывает аналогия с «полюдьем» — объездом правителем подвластной территории в целях установления и поддержания, в частности силой, своей власти, контроля над зависимым населением и сбора с него дани. Такой способ реализации и демонстрации властных полномочий со стороны русских (походы новгородских и московских ратей в Югру в XIV–XV вв.) уже был известен местному населению. Равным образом правители татарских ханств и княжеств, существовавших на территории Западной Сибири, также давно практиковали сбор дани-ясака.¹⁰ Другое дело, что инородцы по-разному воспринимали нового «господина». Наряду с теми, кто добровольно или по принуждению признавал его власть, были и те, кто оказывал ему упорное сопротивление и отказывался подчиняться.

В донесении Ермака о «сибирском взятии», привезенном в Москву его посланцами и воспроизведенном в Погодинском летописце, сообщается, что уже в первые полгода пребывания в Сибири казаки приводили местное население к шерти и собирали ясак:¹¹ «И писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всеа Русии самодержцу, что... царство

Сибирское взяша и многих живущих ту иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели и к шерти их привели... А иноязычных многих людей татар и остяков, и вагуличь привели к шерти по их верам на том, что им быть под его царскою высокою рукою до веку... и ясак им государю давати по вся годы, а на русских людей зла никакого не мыслить. А которые похотят к государю в его государеву службу, и тем служить его государева служба прямо, недругом его государским не спущать... и самим им не изменить... и зла никакого на всяких русских людей не думать, и во всем стоять в прямом постоянстве».¹²

Вопрос о том, адекватно ли Погодинский летописец передал формулу шерти (шертной записи) и если адекватно, если это не позднейшая вставка, отражающая реалии уже XVII в., то образец какой и чьей шерти использовали казаки, требует отдельного изучения. В сути же данного летописного сообщения, равно как и аналогичных известий других летописей,¹³ вряд ли можно усомниться.

Р. Г. Скрынников, объясняя причины посольства Ермака к царю, указал на понимание казаками необходимости военной помощи со стороны Московского государства, на их «наивные царистские иллюзии» и «личную популярность Ивана IV среди казаков». Историк писал: ««Ничто не мешало Ермаку учредить в Сибири порядок, отвечавший вековой мечте народа о воле. Вместо этого казаки стали править именем царя, привели к присяге на государево имя и обложили местное население государственным налогом — ясаком. Как объяснить столь неожиданный поворот событий? <...> Возвращение на царскую службу казалось им лучшим выходом из создавшегося положения».¹⁴ В этих объяснениях есть определенная логика, но она весьма уязвима. Достаточно указать на то, что казаки, прихватив богатую добычу, в любой момент могли уйти из Сибири в районы, недосягаемые «высокой государевой рукою», — на Яик, Дон, в Запорожье; они могли обратиться за помощью не к царю, а к Строгановым или даже вольным казачьим общинам. Но почему они обратились все же к царю? Ответ на этот вопрос следует искать не в «наивных царист-

¹⁰ См.: Оксенов А. В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле (1455–1499) // ЖМНП. 1891. Ч. 273. № 1; Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935. С. 38; Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 89; Исаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI вв.). Казань, 2007. С. 267, 268; Кобищанов Ю. М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизации. М., 1995. С. 76–80.

¹¹ См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 228.

¹² Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 132, 133.

¹³ См.: Там же. С. 39, 57, 111, 244, 245; Ремезовская летопись... С. 180.

¹⁴ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 223, 224.

ских иллюзиях» и «личной популярности Ивана IV», а в иных факторах, мотивировавших поведение казаков.

Относительно легко и быстро разбив татар и их союзников, заняв Кашлык и получив первую дань и изъявление покорности от части инородцев, казаки и атаманы почувствовали вкус власти, они ощутили себя «господами», и у них возникло желание удержать за собой приобретенную кровью и потом сибирскую землю. Казакам, чтобы не остаться в глазах местного населения просто захватчиками-грабителями, чтобы не находиться в состоянии войны со всеми, чтобы получать от инородцев продовольствие и пушнину, требовалось вывести свои отношения с ними на новый уровень. Для ермаковцев это было весьма актуально: ведь они были казаками, а слово «казак» в то время обозначало «человека, отколовшегося от своего народа, племени или покровителя и ведущего жизнь искателя приключений»,¹⁵ по сути бродягу, промышлявшего разбоем или наймом на военную службу. Вольные казаки дружины Ермака и являлись ими де-факто. Сибирские татары, зная, разумеется, тюркско-монгольское происхождение слово «казак», вполне могли растолковать его значение хантам и манси.

В связи с этим, кстати, становится понятнее смысл слов, которые произнес хан Кучум после сражения под Кашлыком (в изложении Есиповской летописи): «*Кто мя победи и напрасно мя из царства изгна? От простых людей Ермак не со многими пришел и толика зла сотвори, воя моя изби, мене посрами... Придох и победих ни от кого ж послан, но самозванец придох корысти ради и величия*»¹⁶ (курсив здесь и далее наш — А. З.). Кучуму было горько осознавать, что он — потомок Чингис-хана — потерпел поражение от бродяг, которые не представляли никакого правителя. Но казаки, осуществляя процедуру шертования (вполне понятную местному населению), кардинально меняли свой статус.

Согласно летописям, шертующие приносили клятву верности русскому царю. Тем самым ермаковцы противопоставили хану Кучуму более авторитетного правителя, в чьем владении уже находились два бывших татарских

ханства — Казанское и Астраханское. Кроме того, прикрываясь фигурой «благочестивого государя», они придали всем своим действиям легитимность. В ходе шертования происходило «правовое» оформление, с одной стороны, властных полномочий казаков, которые из «бродяг» превращались в воинов могущественного правителя, от имени которого они применяют силу, а с другой — зависимости-подданства подчинявшегося местного населения. Кучум же, лишившись столицы и теряя власть, сам превратился в «казака-бродягу»: «Царь же Кучюм нача пребывати во своих улусах, бегая от места на место...»;¹⁷ «...не яко царь, но яко тать и разбойник и бегун»;¹⁸ «Кучюм же житию своему скитаяся и места не обрете...».¹⁹

Инородцев казаки приводили к шерти по их вере, причем в процедуру шертования, как мы узнаем из Кунгурской летописи, входило целование присягавшим казачьей сабли.²⁰ Присяга по вере вполне объяснима: присягающий должен понимать смысл и ритуал присяги. Это давало хоть какую-то гарантию верности (как оказалось впоследствии, эфемерную). Использование оружия — сабли, а также стрелы — при шертовании известно было в Западной Сибири, по крайней мере хантам, задолго до Ермака.²¹

Сообщения некоторых летописей позволяют сделать предположение, что Ермак и его атаманы даже утверждали в «должностях» князьцов, признавших новую власть и давших шерть-присягу. Так, в Бузуновском летописце можно прочесть следующее: «По взятии города Сибири прииде к Ермаку во град остяцкой князь Боярга (Бояр — А. З.) со многими дарами и запасы и покаришася Ермаку. Он же *утверждает* их, пиршество им творяше, чтобы им жить под рукою государевою во всяком послушании, а служить во всякой верности, ясак платить и на русских людей дурно не мыслить».²² Из этого сообщения следует, что Ермак, оказавшись хозяином Кашлыка, сразу же начал распределять статусные роли и вводить взаимоотношения с инородцами в правовое пространство, действуя от имени русского царя. Кроме того, указание на множественное

¹⁵ Зуев Ю., Кадырбаев А. Поход Ермака в Сибирь: тюркские мотивы в русской теме // Вестн. Евразии. М., 2000. № 3 (10). С. 46.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 39, 55, 132, 242; Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 142.

¹⁷ Летописи сибирские. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 156.

¹⁹ Ремезовская летопись... С. 222.

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 26, 86.

²² Летописи сибирские. С. 198.

число «утвержденных» дает основание полагать, что с Бояром были другие подчинявшиеся ему хантыйские родоначальники. Во время похода по Оби, согласно Кунгурской летописи, пятидесятник Богдан Брязга, погромив ряд инородческих городков, «поставиша (кодского — А. З.) князя болшого Алачея болшим, яко богата суца, и отпусти со своими честно».²³ В летописях встречаются и упоминания о том, что Иван Грозный, приняв от казаков дары и «поклон» «царством Сибирским», указал Ермаку «с товарищи» до прибытия воевод «ведать царство Сибирское з городы»²⁴ и даже «повелел писать ево, Ермака, сибирским князем».²⁵

Всем этим летописным сообщениям можно верить или не верить. Так, в частности, известие о присвоении Ермаку княжеского титула носит явно легендарный характер.²⁶ Важно другое. В основе всех летописей лежат казачьи «сказы». Казаки же, вспоминая о своем пребывании в Сибири и своих походах, путая последовательность и конкретные детали событий, выразили суть своих взаимоотношений с местным населением — полное господство победителя над побежденными.

Диктат силы, подчас даже жестокости, со стороны казаков в отношении инородцев, стремление запугать их звучат рефреном на страницах всех летописей. Показательны, в частности, подробности общения казаков с плененным татаринном «царева (Кучумова — А. З.) двора» Таузаном (в Ремезовской летописи — «дворецким» Кутугаем), описанные в ряде летописей. Казаки специально продемонстрировали Таузану эффект «огненного боя», а затем отпустили его к «царю» Кучуму. По версии Румянцевского летописца, «той же тотарин, пришед, сказа царю русских вой пришествие и се сказа, яко егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет громко, а пробивают наши куяки и бахтерцы навывлет»²⁷ (сходное описание этой военной демонстрации дает Строгановская²⁸ и Ремезовская²⁹ летописи). Казаки рассчитывали напугать Кучума. Эффект в известной

мере был достигнут. Хан, конечно, не испугался огнестрельного оружия, возможности которого были известны татарам. Однако все летописи (надо полагать, опираясь на татарские предания) указывают на то, что Кучум, узнав о появлении казаков, «велми печален бысть, слыша их мужество и храбрость»,³⁰ «велми оскорбился и опечалился, и о сем в недоумении быв мнозе»,³¹ «оскорбе, зело печален бысть»,³² «зело оскорбися»³³ и т. п. Данную реакцию Кучума логично интерпретировать следующим образом: он «оскорбился» тем, что на него напали казаки-«бродяги», но, не зная их целей и — самое главное — «заказчика» их нападения, «опечалился» и был «в недоумении», опасаясь, что казаки действуют не сами по себе, а по воле московского царя. Иначе говоря, Кучум испугался, что ермаковцы — это только передовой отряд московского войска и что Москва вслед за Казанским и Астраханским ханствами собирается завоевать и Сибирское ханство.

В летописях сила казаков и страх, который они внушали, нередко приписываются богу. Но устрашают «безбожников» вполне конкретные люди — казаки. Летописи подмечают: «Храбровшу ж Ермаку з дружиною своею по всей Сибирстей земли ходиша ни от кого ж устрашающесь, страх бо божий ко всем бысть живущим тамо, яко меч обоюду остр идый пред лицом рускаго полка, потиная многих, устрашая всех»³⁴; «промчесь слых о Ермаке и о казацех во всю сибирскую страну, и нападе Божий страх на вся живущие бусурманы во всей стране той»;³⁵ «и того страху вси иноземцы ужаснулись и за страх грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всей волости Надцынской...».³⁶ Не исключено, что казаки даже устраивали показательные казни представителей властной элиты: «августа 16 де(нь) в Кошуки. Приидоша х Кошуку князю Ворлякову, и поймали первого есаула Ичимка и допросиша... Ермак же овых из них убил и есак взял. Нападе же на них страх велий, и приходяще кланяхуся с есаком»;³⁷ Богдан Брязга, «приехав в пер-

²³ Ремезовская летопись... С. 253.

²⁴ Летописи сибирские. С. 236, 238.

²⁵ Там же. С. 200.

²⁶ См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 237.

²⁷ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 32, 38. См. также: Летописи сибирские. С. 134.

²⁸ См.: Летописи сибирские. С. 134.

²⁹ См.: Ремезовская летопись... С. 140.

³⁰ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 32, 38.

³¹ Летописи сибирские. С. 134.

³² Ремезовская летопись... С. 143.

³³ Летописи сибирские. С. 40.

³⁴ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 134.

³⁵ Ремезовская летопись... С. 176.

³⁶ Сибирские летописи. С. 333.

³⁷ Ремезовская летопись... С. 245.

вую Аремзянскую волость и городо[к] крепкий взял боем, и многих лутчих мергеней повесил за ногу и розстрелял, и ясак собрал за саблю».³⁸ И смысл присяги-шерти на сабле также понятен. Оружие — символ силы, а сила — показатель власти. Заставляя целовать окровавленную саблю, казаки запугивали инородцев. Интересно отметить, что за три десятилетия до этого царская грамота 1558 г., определявшая взаимоотношения Московского государства и Югорской земли, также грозила югорским князям в случае их неповиновения «вострою саблю».³⁹

Стремление напугать и нагнать страх было определенно мотивировано: таким образом казаки обеспечивали покорность местного населения, изъятие у него материальных ценностей, а также собственную безопасность. Эта тактика, в целом, себя оправдывала: если удавалось разгромить отдельные (скорее всего, наиболее укрепленные) поселения, окрестные жители или разбежались или подчинялись, давая шерть. И в мирный диалог с инородцами казаки вступали только после того, как основательно их запугают. Демонстрация силы и одержанные победы обеспечивали казакам властный статус. В «сказах» они передали летописцам свое ощущение победителей, занявших господствующее положение. А летописцы облекли это ощущение уже в литературную форму: «ходиша ни от кого ж устрашающесь»;⁴⁰ «и по всей Сибирстей земли ликоваху стопами свободными ни от кого же возбраняеми»;⁴¹ «и едучи по погромленным городкам, смотря. Мнози утвердишася жити постоянно во всем покорни, встречающе и провожающе казаков и с провожатыми — честно»;⁴² «казакам же ездяшим по жильям татарским и по промыслам смело, не боишася ничего».⁴³

Однако властный статус Ермака и его дружины держался исключительно на силе. Поражения казаков сразу же дестабилизировали их господствующее положение. Когда карачабек заманил в свой лагерь и убил «атамана да 40 человек казаков», реакция инородцев последовала незамедлительно: «Услышавше погании атамана и казаков убивство, и начаша везде казаков убивати, где ни обрящут по

волостем и улусом»;⁴⁴ «видев же нечестивьи, яко Колцов убиен, начаша во многих местех, в волостех и в улусех побивати русских».⁴⁵ До определенного момента казаки, нанося удары по непокорным, могли восстанавливать и поддерживать свой образ непобедимых воинов. Однако после серьезного поражения на Вагае и гибели Ермака казаки, по словам летописей есиповского цикла, «убояшася жити во граде»,⁴⁶ оставили Кашлык и ушли на Русь. Строгановская летопись приводит пространную речь Матвея Мещеряка, который аргументировал необходимость ухода тем, что казаки в силу своей малочисленности не смогут удерживать «град» от «безбожных агарян».⁴⁷

Очевидно, казаки адекватно оценили сложившуюся ситуацию: их малая численность (по оценке Р. Г. Скрынникова, на момент ухода из Сибири — 90 человек⁴⁸), гибель лидера, обладавшего организаторскими способностями и способностями к военному делу и внушавшего страх и уважение инородцам, а также сокращение боезапаса не оставляли шансов на восстановление статус-кво. Авторитет, завоеванный казаками в глазах местного населения, был подорван. Казаки сами потеряли уверенность в своих силах и везении, их самих охватил страх (они «убояшася»). И их оценка ситуации оказалась правильной. После гибели Ермака приобские князцы забыли о своих присягах и осадили в Обском городке отряд воеводы И. Мансурова, прибывший с Руси. Только сила «огненного боя» заставила их прекратить нападение и вновь давать шерть.⁴⁹

Помимо общей логики поведения Ермака и его сотоварищей, в которой основными моментами являлись применение силы, утверждение господствующего положения и сотрудничество с теми, кто подчинялся, к тактическим приемам казаков, которые можно выявить из летописей, относились быстрота передвижения (преимущественно по рекам), внезапность нападения (если того требовали обстоятельства), натиск, разгром наиболее сильного противника. За время пребывания в Сибири казаки совершили несколько походов,

³⁸ Там же. С. 248.

³⁹ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 39.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 134.

⁴¹ Летописи сибирские. С. 42.

⁴² Ремезовская летопись... С. 255.

⁴³ Там же. С. 177.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 34, 40, 62, 134.

⁴⁵ Ремезовская летопись... С. 188. См. также: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 253.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 34, 40, 64, 135.

⁴⁷ Летописи сибирские. С. 162, 344.

⁴⁸ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 262.

⁴⁹ Там же. С. 263.

но они не оставляли гарнизоны в захваченных инородческих городках, а, опираясь на свою базу — Кашлык, наносили молниеносные удары в разных направлениях. Инородцам трудно было предвидеть, когда и где в очередной раз появятся казаки.

Во время походов казаки стремились захватить языков, которые выступали информаторами и проводниками, уничтожить или взять в плен вождей сопротивления. С пленными казаки поступали исходя, вероятно, из конкретной ситуации: одних они убивали в назидательных целях, других пытались привлечь на свою сторону и привести к шерти (в числе последних летописи упоминают вогульского князца Романа Славного и кодского князца Алачева). Взятых в плен царевича Маметкула Ермак «утешает» и «ублажает» «ласкосердыми словесы». В связи с этим еще раз отметим, что применение казаками силы в отношении инородцев было «дозированным»: к побежденным, ослабевшим и не оказывавшим сопротивления казаки проявляли миролюбие. После взятия Кашлыка они позволили желающим татарам вернуться в «град»: «и многия татаровя начаша приходити з женами и з детми и паки начаша жити в первых своих домех». ⁵⁰ Хантыйские воины, потерпевшие поражение от казаков около устья р. Рачи, увидели, что казаки, захватившие их поселение, «не бьют жен их и детей, точию ласкают». Часть воинов, вернувшись в поселение, установила с казаками мир, «любезно дан(ью) и есаком поклонишася». ⁵¹ На «Тебенди» Ермак не стал громить «нижней городок князца Елыгая», который принес дары и ясак и даже предложил атаману «в честь и дар» свою дочь. ⁵² В Туралинской волости на Шиш-реке Ермак не тронул остатки войска карачи-бека: «видеша вси, яко зело скудни, и ничим их вредиша». ⁵³

В целом, летописные сообщения дают основание прийти к выводу, что казаки считали своими врагами лишь тех, кто оказывал сопротивление; по отношению к покорившемуся же и мирному населению они проявляли, выражаясь современным языком, этнокультурную и религиозную толерантность. В исследовательской литературе уже не раз

подчеркивалось, что стремление летописцев изобразить дружину Ермака «орудием бога», «очищающим» Сибирь от «неверных», явно противоречит описанию конкретного поведения казаков. В летописях ничего не говорится о разорении казаками «богомерских» и «нечестивых капищ», об их попытках крестить «окаянных бусорман», «поганых» и «идолопоклонников» (хотя в дружине, по свидетельству Кунгурской летописи, были «три попа, да старец бродага»⁵⁴), зато сообщается о том, что во время походов казаки проявляли интерес к вероисповеданию инородцев, посещали языческие «капища» и «мольбища шейтанские», наблюдали камлание шаманов, а Ермак якобы даже общался с «шейтанщиком». ⁵⁵ Ничего удивительного в казачьей веротерпимости не было: сама дружина в этническом и, не исключено, религиозном отношении была пестрой. Разные летописи упоминают в ней казаков донских, яицких, волжских, терских. Строгановская летопись сообщает, что Ермак, помимо казаков, взял с собой «всяких людей: литвы, и татар, и русских». ⁵⁶ Согласно Ремезовской летописи, в дружине Ермака были «вои» «с Дону, с Волги и съ Еику, из Астрахани, и с Казани». ⁵⁷ Румянцевский летописец, кроме казаков, называет «немцев» и «литву». ⁵⁸

Летописи изображают ермаковых казаков как храбрых и смелых воинов. Вряд ли в этом можно сомневаться. Им в полной мере были присущи отмеченные выше характерные черты казачьей психологии и поведения. Только крепкие духом, «буйственные и храбрые, предобрые воины» (так дружину Ермака характеризует Строгановская летопись⁵⁹) могли идти войной в неведомые земли, вступать в сражения и громить численно превосходящего противника. Психологической настрой большинства казаков, пожалуй, наиболее точно характеризует пространная речь сторонников решающего боя за Кашлык (в передаче Строгановской летописи). ⁶⁰ При всей ее литературной обработанности, насыщенности упованиями на «господа бога», она явно выражает менталитет воинов: для казаков война — смысл жизни, победа — честь и слава, отступ-

⁵⁴ Там же. С. 243.

⁵⁵ Там же. С. 246.

⁵⁶ Летописи сибирские. С. 120, 124.

⁵⁷ Ремезовская летопись... С. 119.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 32.

⁵⁹ Летописи сибирские. С. 120, 124.

⁶⁰ Там же. С. 138–139.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 33. См. также: Там же. С. 39, 56, 132, 243; Летописи сибирские. С. 42, 144; Ремезовская летопись... С. 176.

⁵¹ Ремезовская летопись... С. 252.

⁵² Там же. С. 257.

⁵³ Там же. С. 259.

ление — позор и «посмешище своей братии». Но общий «буйственный» настрой не исключал колебаний, неуверенности и даже страха, а также наличия среди ермаковцев тех, кто был «слаб духом» или, по крайней мере, отличался осторожностью. Накануне упомянутого решающего боя часть казаков высказала сомнения в положительном его исходе и «восхотеша тоя ноци бежати». ⁶¹ Проявили казаки неуверенность и при осаде городка князца Демьяна (Нимпьюана). Сам Ермак во время похода по р. Тавде, реально оценив ситуацию, отказался от штурма городища мансийского князца Аблегирима, а в походе по Иртышу предпринял отступление после неудачного штурма урочища Кулары. ⁶² Наконец, после гибели Ермака остатки казачьей дружины предпочли покинуть Кашлык, а не бравировать безрассудной храбростью. Однако неуверенность и колебания, что важно подчеркнуть, проявлялись лишь в критические моменты. За редким исключением казаки демонстрировали решимость и волю к победе, вступая в сражения с численно превосходящим противником.

Храбрость, пренебрежение опасностью, одержанные победы порождали у казаков уверенность в своих силах и, как следствие, поразительную беспечность. Еще в начале похода на Тоболе то ли татары, то ли манси захватили передовой казачий струг. Казаки, бывшие на рыбалке на оз. Абалак, во время ночевки не выставили стражу и были перебиты Маметкулом. Доверившись «лукавому» шертванию послов карачи-бека, Ермак отправил к нему атамана Ивана Кольцо с отрядом казаков, даже не взяв заложников. Как заметила по этому поводу Строгановская летопись, «казацы же ослабеша умом». ⁶³ Следует, кстати, указать на то, что в летописях вообще ничего не говорится о целенаправленном взятии казаками аманатов-заложников — приеме, который в последующее время станет стандартным в русско-аборигенных отношениях. Лишь в «Описании новые земли, Сибирского государства...» (созданном, вероятно, в 1686 г.) сообщается, что Ермак «царства Сибирского Кучюма царя, уделных его бояр и князцов и подданных ево и ясачных, взятием под царское величество в подданство подобрал и аманатов с тех городков ясак

взял». ⁶⁴ Однако здесь под аманатами, скорее всего, подразумеваются пленные. Наконец, во время ночевки у «перекопи» на Вагае то ли Ермак не удосужился выставить ночные караулы, понадеявшись на известное русское «авось», то ли караульщики уснули, так что внезапное нападение Кучума оказалось успешным.

Еще одна характерная черта деятельности схемы ермаковцев — добыча «зипунов». Изложение хода военного или мирного подчинения «сибирцев» летописи почти неизменно сопровождают указанием на взятие казаками «богатства», «ясака», «многих даров» и «потребных запасов». Повоевав «городки и улусы по реке Иртышу и по великой Оби, и Назимьской городок взяша», казаки возвращаются «во град Сибирь с радостью великою и корыстию». ⁶⁵ Вряд ли стоит сомневаться в том, что повышенное внимание летописцев к казачьей «корысти» стало следствием того, что сами ермаковцы в своих «сказах» акцентировали внимание на главных показателях своего успеха, чести и славы. А к ним помимо побед и демонстрации силы, относились захваченные материальные ценности. Однако важно отметить и другой аспект. Тем князцам, которые сами приходили к казакам с поклоном, дарами и ясаком (Бояру, Суклему, Ишбердею), Ермак оказывал «честь», «пиршество им творяше» и давал ответные дары. ⁶⁶ А после первой голодной зимовки «московские люди» (стрельцы, пришедшие с князем С. Болховским) и «казацы» торговали с татарами, остяками и вогуличами и «богатства приобретаюша множество от торгу мяхкия рухледи». ⁶⁷ Следовательно, в свою тактику мирного взаимодействия с местным населением казаки включали договорный дарообмен, торговлю и ритуальное пиршество властителя с подчиненными.

Вышеизложенное позволяет заключить, что тактика действий Ермака и казаков в отношении сибирских инородцев определялась рядом факторов: казачьей психологией, ориентированной на агрессию, насилие и захват добычи; соотношением сил казаков и инородцев; реакцией последних на появление нового «хозяина» и — после захвата Кашлыка и прихода первых «подданных» — стремлени-

⁶¹ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 33, 39, 53, 131, 241.

⁶² См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 229, 244, 257.

⁶³ Летописи сибирские. С. 154.

⁶⁴ Там же. С. 230.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 34, 60, 134, 247, 309; Летописи сибирские. С. 200.

⁶⁶ Летописи сибирские. С. 198; Ремезовская летопись... С. 176, 179.

⁶⁷ Летописи сибирские. С. 152.

ем казаков удержать и утвердить свой властный статус. Это стремление мотивировало выстраивание казаками взаимоотношений с инородцами на основе господства–подчинения, оформленного процедурой шертования, а также их обращения к царю Ивану IV, что позволяло казакам легитимизовать свой властный статус и свои действия.

Делая данное заключение, мы не исключаем того, что в мотивации действий казачьей дружины переплетались личные устремления и интересы Ермака, командного состава и даже каждого отдельного казака, выявить которые, однако, не представляется

возможным, как и то, насколько авторитарно Ермак руководил другими атаманами и казаками. Но, учитывая менталитет и стереотипы поведения вольных казаков,⁶⁸ их практику коллегиального принятия важных решений на казачьем кругу, а также в целом равное воздействие на всех участников похода обстоятельств и условий пребывания в Сибири, в том числе взаимоотношений с инородцами, можно полагать, что тактика казаков определялась их общими интересами, в основе которых лежали прежде всего мотивы жизнеобеспечения, безопасности, самоутверждения и власти.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Ермак, казаки, сибирские татары, ханты, манси, русско-аборигенные отношения, мотивационно-деятельностная схема, антропология власти*

MOTIVATION AND TACTICS OF THE ACTIONS OF THE ERMAK'S DRUZHINA IN RESPECT OF THE NON-RUSSIANS OF SIBERIA

The article deals with the motivation and tactics of the actions of Ermak's druzhina (army) in respect of the Siberian non-Russian population (the Tatars, the Khanty and the Mansi). Based on the analysis of the Siberian chronicles the author arrived at a conclusion that the motivational pattern underlying the Cossacks' actions was determined by the Cossacks' psychology with the main focus on aggression, violence, and looting; the relative strength of the Cossacks and the non-Russians; as well as the reaction of the latter to the appearance of a new military and political power and the Cossacks' wish to maintain and affirm their dominating position. The motive of power formalized by the "shert"(oath) was the underlying reason for the Cossacks' acting on behalf of the Russian tsar and asserting their dominance and subordinating the non-Russians.

Andrey S. Zuev

⁶⁸ Мы не принимаем в расчет «литву», «немцев», «татар» и «русских», упоминаемых летописями среди участников похода, поскольку их численность вряд ли была заметной.